

„САМА ЖИЗНЬ“.

(Антоны Чеховъ. Повести и рассказы).

Человѣкъ, который все понимаетъ, — несчастный человѣкъ; у него должна быть та болѣзненная трещина въ сердцѣ, о которой говоритъ Гейне. Онъ, этотъ человѣкъ, видитъ предъ собою жизнь такой, какова она есть, — отхлѣвывая жизнь какъ питье, а воѣ вмѣстѣ — какъ огромный, страшно спутанный клубокъ.

М. Горькій.

Г. Марксъ выпустилъ уже ~~второй томъ~~ рассказовъ Чехова. На обложкѣ нѣтъ никакого указанія, что это — томъ второй, если не считать помѣщенного тамъ объявленія о первыхъ 72 рассказахъ; но въ началѣ наждаго листа книги, внизу, напечатано мелкимъ шрифтомъ «А. П. Чеховъ. Сочиненія. Т. II».

Большинство вошедшихъ въ эту книгу повѣстей и рассказовъ было помѣщено въ первыхъ по времени сборникахъ талантливаго писателя, но есть въ ней и такіе, которыхъ мы до сихъ поръ еще не встрѣчали.

Наши читатели достаточно знакомы съ талантомъ Чехова: на страницахъ «Одесскаго Листка» не разъ помѣщались статьи, посвященныя его произведеніямъ.

«Сама жизнь» — вотъ наиболѣе точное и наиболѣе подходящее опредѣленіе, которымъ можно было-бы объединить всѣ эти небольшіе анекдоты, картинки, иногда лишенные даже сюжета (напр., — «Въ Москвѣ на Трубной площади»), — повидимому, безпретенціозныя, но, благодаря поразительной наблюдательности и таланту автора, полныя глубокаго смысла. Авторъ говоритъ о мелочахъ обыденной жизни, о мелочахъ, ничтожныхъ и пошлыхъ, говоритъ «смиренно» и какъ будто даже улыбается, а читатель не можетъ отвести глазъ отъ людей, стонущихъ, страдающихъ и даже ~~убивающихъ~~ въ тѣнѣ этихъ мо-

лочей и пустяковъ жизни, какъ въ объятіяхъ какого-то ужаснаго спрута.

Вотъ мелкій чиновникъ, нечаянно чихнувши въ театрѣ на лысину своего начальника и своими извиненіями добившійся того, что начальникъ прогналъ его со службы («Смѣръ чиновника»); вотъ учитель чистописанія Ахннеевъ, чмокнувши губами при видѣ залитнаго осетра на блюдѣ и обвиненный слышавшими звукъ чмоканья въ томъ, что онъ цѣловался съ кухаркой Марей («Блѣвета»). И тотъ, и другой какъ будто попали на покатую плоскость, увлекающую ихъ все дальше и дальше. Ахннеевъ, стараясь оправдаться, самъ распространялъ про себя клевету, чиновникъ, чѣмъ болѣе старался извиниться передъ начальникомъ, тѣмъ сильнѣе возстановлялъ послѣдняго противъ себя.

Землемѣръ Каравасовъ сообщалъ отставному прапорщику Вывертону, что его упряднили.

— Я насчет того факта, что вась упрямый. Прапорщикъ хоть и маленький чинъ, хоть и ни то, ни се, но все-же онъ слуга отечества, офицеръ... кровь проливать... За что его упрямить?

— То-есть... невините, а вась не советить по-нималъ-съ... задешать Вывертовъ, блѣднѣе и дѣлая большіе глаза. — Кто-же меня упрямилъ?

— Да развѣ вы не слыхали? Быть такой указъ, чтобъ прапорщикамъ вовсе не было. Чтобъ изъ одного прапорщика! Чтобъ и духу нѣтъ не было! Да развѣ вы не слыхали? Войтъ служащихъ прапорщиковъ вѣрно въ подпоручики прои-вести, а вы, отставникъ, какъ знаете. Хотите, будьте прапорщиками, а не хотите, такъ и не надо.

— Гм... Кто-же я теперь такой есмь?

— А Богъ вась знаетъ, кто вы. Вы теперь ничего, недоумѣе, есмы! Теперь вы и сами не разберете, кто вы такой.

Вывертонъ хотѣлъ спросить что-то, но не смогъ. Подъ ложечкой у него похолодѣло, и лѣвыя подогнулись, лѣвыя же доворочились. Какъ жевать вобасу, такъ она и оставалась у него во рту не разжеванной.

— Не хорошо съ вами поступили, что и говорить! — сказалъ немлемаръ и вдохнулъ. — Но хорошо, но этого нѣропрѣтѣ одобрѣть не могу. То-то, небось, теперь въ иностраннѣхъ газетахъ! А?

— Опять-таки я не понимаю... выговорилъ Вывертонъ. — Ежели я теперь не прапорщикъ, то кто-же я такой? Никто? Нуль?

И воть упрямленный прапорщикъ расхвора-ся и чуть не сошелъ съ ума («Упрямный»).

Дочь исправника Сидорѣичаго — Мама пошла первый разъ въ жизни въ театръ, на бенефисъ трагика Феногенова.

— Какъ хорошо они представляютъ! Какъ отлично! — обращалась она къ своему напашѣ исправнику всякій разъ, когда опускалась вна-вѣсъ. — Какъ хороши Феногеновъ!

И если-бы папаша могъ читать на лицахъ, онъ прочелъ бы на блѣдномъ личикѣ своей доче-ки восторгъ, доходящій до страданія. Она стра-дала и отъ игры, и отъ пьесы, и отъ обстанов-ки. Когда въ антрактѣ полковой оркестръ за-чиналъ играть свою музыку, она въ изнеможеніи закрывала глаза.

— Папа! — обратилась она къ отцу въ послѣд-немъ антрактѣ. — Пойди на сцену и скажи имъ всѣмъ, чтобы приходили къ намъ завтра обѣ-дать!

Исправникъ пошелъ за сцену, похваливъ тамъ войтъ за хорошую игру и сказавъ г-нѣ Беохатовой комплиментъ:

— Ваше красивое лицо просияетъ на полотно! О, вѣдь вы не владѣте кистью!

И шаркнувъ ногой, потонувъ мригавши арти-стовъ къ себѣ на обѣдъ.

— Всѣ приходите, кромѣ женскаго пола, — шепнулъ онъ. Артистъ не надо, потому что у него дочка.

Кончилось тѣмъ, что Мама влюбилась въ тра-гика Феногенова, въ одно прекрасное утро бе-жала вѣстѣ съ труной и на пути погнѣла

хасъ со своимъ возлюбленнымъ. Исправникъ от-рекся отъ дочери и лишилъ ее приданаго, въ расчетъ на которое трагикъ, собственно говоря, и женился. И для блѣдной Маши настала ужас-ная жизнь, полная голода, холода и побоевъ, послѣ которыхъ Феногеновъ обязательно настав-лялъ жену писать къ отцу: «Папа, онъ бьетъ меня! Прости насъ! Вышли намъ денегъ!»

Прелестны въ этомъ сборникѣ рассказы изъ дѣтской жизни, изъ которыхъ одинъ — «Бухарка женился» — очень популяренъ, благодаря отдѣль-ному дешовому изданію. Глубже другихъ по сво-ему содержанію въ этой серіи — «Житѣйская мо-лодь», гдѣ на двухъ — трехъ небольшихъ стра-ницахъ авторъ сумѣлъ отлить въ яркую форму и эгоизмъ взрослыхъ, и горе дѣтской души, первый разъ въ жизни столкнувшейся лицомъ къ лицу съ жизнью.

И провинціальныя общественныя дѣтели не обойдены А. П. Чеховымъ. Въ «Регрессивъ шо-биле» судебный слѣдователь Гришуткинъ и док-торъ Свирицкий ѣдутъ на вскрытіе, а помѣ-щикъ Ежовъ съ товарищемъ прокурора Тюль-панскимъ — на сѣздъ, и въ тѣ, ни другіе не могутъ понасть, куда направляются, почти без-пробудно пьянствуя и играя въ карты.

Еще лучше и несравненно ловчѣе обрисова-ны эти провинціальныя интеллигенты въ раз-сказѣ «Маска». Во время маскарада въ х-скомъ общественномъ клубѣ, нѣсколько «интеллиген-товъ», возмущенныхъ самоудурствомъ одной ма-ски, настояли на составленіи протокола, но, когда узнали въ буняѣ мѣстнаго миллионера Па-тигорова, извѣстнаго «своими скандалами, бла-готворительностью и, какъ говорилось въ мѣст-номъ вѣстникѣ, — любовью къ просвѣщенію», — разомъ притихли. «Интеллигенты молча, не го-вори ни слова, вышли на дышочкахъ, и... Па-тигоровъ наперъ за ними дверь».

Надо помѣть въ глухой провинціи и узнать хорошенько ея обитателей, чтобы повѣрить въ живность деталей этихъ рассказовъ, — на пер-вый взглядъ неправдоподобныхъ и каррикатур-ныхъ.

Мы не познакомили читателя и съ десятой до-лей богатаго литературнаго и психологическаго матеріала, помѣщеннаго на 300 небольшихъ страничкахъ. Тутъ — «самая жизнь», «хиуран» и «нудная». Талантливый писатель освѣщаетъ ее лучемъ пониманія и, еще не поднявшись выше нея, какъ это удалось ему позже, въ послѣд-нихъ произведеніяхъ, стонетъ и горюетъ вмѣстѣ съ читателями.

Нв. И.